М. Б. Лоскутникова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
maria.loskutnikova@mail.ru

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПОНИМАНИЕ ИРОНИИ В РОМАНАХ И. ГОНЧАРОВА И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОЗИЦИЙ

Все три романа Ивана Гончарова – «*Обыкновенная история*», «*Обломов*», «*Обрыв*» – пронизаны иронией. В этих произведениях она становится инструментом как комического, так и драматического и трагедийного [Лоскутникова 2011, Лоскутникова 2012-А, Лоскутникова 2012-В]. Однако в гончарововедении, в котором достаточно широко освещены комические стороны в романах великого русского автора, вопрос об иронии представлен лишь отдельными краткими упоминаниями. В силу этого целью статьи является освещение позиций литературоведения в аспекте поликультурного понимания иронии в романах Гончарова.

Сам писатель, казалось бы, не признавал иронию. Так, в статье «*Лучше поздно, чем никогда*» он выступал против «*холодной иронии*» натуралистов, противопоставляя ее юмору Гоголя [Гончаров 1972: 485]. Однако еще при жизни писателя критики обращали внимание на «*иронический тон красок*» писателя [А. В., 1991: 25][1], хотя и расценивали гончаровскую иронию по-разному – как отношение к изображаемому «*с легким и вежливым оттенком иронии*» [Писарев 1991: 85], как соседство иронии с состраданием [Протопопов 1991: 194] и др. По мнению представителя эстетической критики, гоголевское представление об «*истинном смехе сквозь слезы*», «*безжалостно опозоренное бездарными писателями*», после романа «*Обломов*» «*вновь получило для нас свою силу*» [Дружинин 1991: 118]. М. Е. Салтыков-Щедрин же, выражая политическое неприятие художественной идеи романа «*Обрыв*», настаивал, наоборот, на том, что ирония Гончарова – это проявление слабости таланта писателя, подчеркивая, что Гончаровым в этом

[1] По предположению Л. С. Гейро, А. В. – это А. В. Дружинин (Гейро Л. С. Роман И. А. Гончарова «Обломов». // Гончаров И. А., 1987, *Обломов*. – Ленинград: Наука. – С. 529); Б. Ф. Егоров указывает на А. Ф. Вельтмана (Егоров Б. Ф., 2004, Примечания. // Гончаров И. А. *Полн. собр. соч. и писем*: В 20 т. – Санкт-Петербург: Наука. – Т. 6. – С. 283).

произведении «*не употреблено ни одного слова в его собственном значении*» [Салтыков-Щедрин 1958: 218].

Научное изучение мастерства художника началось только в XX веке. В гончарововедении 1920-1930-х годов следует отметить позицию Б. М. Энгельгардта, который, анализируя роман «*Обломов*», указывал на борьбу традиций романтизма и «натуральной школы». В понимании ученого, главная особенность повествовательного стиля Гончарова – это «*спокойное, слегка ироническое*» слово [Энгельгардт 1995: 255].

В рамках такого же подхода, когда романистика Гончарова виделась в свете «*общей задачи преодоления романтического мировоззрения и романтического стиля*», звучат размышления Н. И. Пруцкова, писавшего в начале 1960-х годов, что своеобразие стиля писателя «*состояло в том, что романтически-экспрессивные формы у него сопровождались ироническим и комическим снижением романтического мироощущения путем сопоставления его с реальной действительностью*» [Пруцков 1962: 28, 32, 116]. При этом Пруцков разграничивает сферы комического (как юмористики) и иронии: «*Если в изображении старой жизни Гончаров широко пользуется средствами комических, юмористических характеристик, то в освещении Петра Адуева сильна ирония*». Ученый обратил внимание и на ироническое мировидение в романе «*Обломов*», указав на то, что в главе «*Сон Обломова*», «*иронизируя над поэтами-романтиками, Гончаров подчеркивает незатейливость и простоту окружающей Обломовку природы*».

В начале 1970-х годов иронический характер мировидения Гончарова актуализирован С. И. Машинским. Отмечено, что «*Обыкновенная история*» несет ироническое начало уже в названии произведения. Причем ирония автора воплотилась не только в образе мышления Петра Ивановича Адуева, но даже в представлениях его жены о повзрослевшем племяннике мужа. Так, в эпилоге романа Лизавета Александровна, «*не обличая Александра за его отступничество, /…/ двумя-тремя восклицаниями выражает свое ироническое отношение к новому, преуспевающему племяннику*» [Машинский 1972: 20, 43-44, 49]. Сосредоточиваясь при анализе романа «*Обрыв*» прежде всего на центральной фигуре – на образе Бориса Райского, ученый утверждал, что Гончаров «*весьма сочувственно относится к некоторым его духовным исканиям*», и прежде всего «*в сфере искусства*», вместе с тем в целом «*иронизируя над Райским*». Глубокую драматическую иронию Машинский отмечает и в изображении писателем взаимоотношений Леонтия

Козлова и его жены, поскольку, «*влюбившись в античный профиль Ульяны Андреевны*», Козлов, не веря себе, видит, однако, в ней «*Мессалину, Клеопатру*».

Отдельные замечания в отношении иронии в романе «*Обрыв*» можно найти и в других изысканиях 1970-х годов. При этом обнаружение гончаровской иронии является результатом разнонаправленных и разноуровневых исследований. Так, А. В. Чичерин, обращаясь к проблемам стилеобразования, указывал на иронический и трагический модусы романа [Чичерин 1985[2]: 169]. Однако в немногих гончароведческих работах 1970-х годов понимание иронии носит поверхностный характер (такой взгляд содержится, например, в высказывании о том, что «*Гончаров иронизирует над пассивностью и барским дилетантизмом своего героя*» Райского [Тихомиров 1975: 35]).

В 1980-2000-е годы суждения об иронии в творчестве Гончарова касаются главным образом первого романа писателя. Л. М. Лотман отмечала в ранних произведениях Гончарова «*тонкую авторскую иронию*» [Лотман 1982: 161, 169]. Анализируя полифонию романа «*Обыкновенная история*», она разграничила эмоциональные стихии: «*Александру романист отдал патетику и лирический пафос, Петра Ивановича Адуева наделил иронией*». Однако иронические особенности романов «*Обломов*» и «*Обрыв*» ею не названы и не сформулированы. В. М. Маркович, анализируя взаимодействие «*речевых манер*» и сложное отношение собственно-авторского и «*чужого*» («*получужого*») слова в романе «*Обыкновенная история*», обращает внимание на то, что в целом в произведении «*значительна роль повествовательной иронии*» [Маркович 1982-В: 65]. Рассматривая особенности русского реалистического романа 1830-1850-х годов, ученый указывает на то, что описание губернского города «*пронизано авторской иронией, выражающей себя то в интонациях, то в синтаксисе, то в лексике и фразеологии*», а также на «*вспышку авторской иронии в описании отъезда Александра из Петербурга*» [Маркович 1982-А: 88-89, 83, 92]. Кроме того, ученый убежден, что в первом гончаровском романе «*иногда образуются почти чеховские стилевые "стыки" – иронические по существу, но исключающие использование явной иронии*», за счет чего происходит смягчение «*двуакцентности и двустильности*» романа.

В «*пушкинском культурном слое*» «*Обыкновенной истории*» очевидно влияние пушкинской иронии [Денисова 1990: 27, 28].

[2] 1-е изд. – 1977 год.

Исследовательница, обнаружившая в первом романе писателя 17 пушкинских цитат и реминисценций (11 в речи Александра, 3 – Петра, 3 – повествователя), отмечает, что «*в авторской оценке героя функции пушкинских цитат и реминисценций тяготеют к двум полюсам: служат или ироническому снижению, /…/ или, напротив, утверждению значительности и глубины его переживаний*». Суждения о влиянии пушкинской иронии на иронию гончаровскую разделят и другие исследователи – например, в том, что «*именно пушкинская ирония (типа "Блажен, кто смолоду был молод…") и реализована в конструкции гончаровского романа «Обыкновенная история»* [Строганов 2002: 264].

Указание на иронические ипостаси в первом романе Гончарова обнаруживается в монографии В. А. Недзвецкого. Ученый, в частности, писал о «*горько-ироничном "эпилоге"*» произведения, о «*грустной иронии краткого "эпилога" "Обыкновенной истории"*» [Недзвецкий 1992: 35]. Мысль об иронических началах в романе «*Обыкновенная история*» звучала на международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова, в Ульяновске (1992) [Сапченко 1994: 173]. «*Типичным для Гончарова ироническим монтажом*» назвал противопоставление образов дяди и племянника А. А. Фаустов, отметив, что «*Петру Иванычу противостоит в романе не просто антипод, но еще и антипод пародийный*» [Фаустов 1997: 57]. Е. Г. Эткинд охарактеризовал «*Обыкновенную историю*» как «*один из самых (если не самый) "стилистических" романов не только русской, но и европейской литературы*»: «*фразеология романтизма, доводимая порой до гротескных преувеличений*» (в речи Александра), что противостоит «*трезво прозаическому, часто ироническому обличению этой системы*» – ее «*искусственности, фальши, даже ее комизма*» (в речи Петра Ивановича) [Эткинд 1999: 117]. Е. А. Краснощекова обращает внимание на сменяемость юмора иронией – в частности, на то, что в сценах в родном доме Александра Адуева все окрашено «*мягким юмором (ирония появится позднее, когда племянника окинет трезвым взглядом его петербургский дядя)*» [Краснощекова 2008: 133].

Таким образом, интерес исследователей в отношении иронии касался главным образом романа «*Обыкновенная история*». И если историография вопроса об иронии в первом романе Гончарова может быть охарактеризована как актуализация этой стилевой особенности писателя хотя бы отдельными репликами, то в отношении романов «*Обломов*» и «*Обрыв*» приходится признать, что вопрос остается практически открытым, поскольку

прикосновение к проблеме иронии в них, за редчайшим исключением, носит характер все тех же, причем более редких, нежели в отношении к первому роману, замечаний.

Обратимся к роману «*Обломов*». В науке были отмечены модусы иронии и трагизма, однако в их сосуществовании не найдено органического взаимодействия [Мельник 1985: 37, 100]. Есть и иной взгляд, согласно которому трагический и иронический модусы существуют воедино, и образ Обломова рассмотрен как «*эпически-ироническое изображение русского трагического героя*» [Кантор 1991: 19]. С окрашенностью романа «*в иронические тона*» связано «*недифференцированное [фламандское] восприятие действительности*» [Бухаркин 1992: 123]. М. В. Отрадин, анализируя этот роман и описывая его модусы как факторы стиля, исходит из того, что в художественной системе Гончарова исключительную роль играет юмор, в результате чего «*комическое перекрывает все*»: «*скажем, трогательное или элегическое возникает в "Обломове" не помимо юмора, а благодаря ему*» [Отрадин 1994: 138, 139, 144]. Более того, исследователь убежден, что «*развитие романного искусства Гончарова отмечено возрастанием в нем роли юмора*», хотя и признает, что «*в авторской речи, сориентированной на стиль героя [Обломова], у Гончарова, как правило, есть доля иронии*», «*иронический заряд*».

Возникла тенденция интереса к особому герою в системе образов романа «*Обломов*» – «*литератору*», появляющемуся в эпилоге произведения. Так, противопоставлялись жесткая жизненная позиция Штольца и иронический, но полный сочувствия и готовности к пониманию голос «*автора*»: «*Провокационно подсказывая /…/ выводы об Обломове в начале книги, автор на самом деле маскирует свою несравненно более сложную точку зрения на героя*» [Вайль, Генис 1991: 119]. Такой ракурс видения проблематики и поэтики романа близок Ю. В. Манну. Ученый исходит из того, что «*прием передачи литератору или издателю рукописи, сведений или каких-либо других материалов со стороны третьего лица широко применялся в начале XIX в.*». Манн констатирует, что «*литератор*» в «*Обломове*» – «*с внешней стороны почти автопортрет Гончарова, в домашнем, несколько ироничном обличье*» [Манн 2008[3]: 424, 423]. Интерес к образу «*литератора*» не просто сохранился, но активизировался в гончароведении начала 2000-х годов. В частности, вопрос об «*автопортретности*» в произведении получил свое дальнейшее развитие [Романова 2002].

[3] 1-е изд. – 1994.

Принципиальный прорыв в понимании модусов романа «*Обломов*» и иронии как организующего модуса произведения, с обращением к фигуре «*литератора*», осуществлен В. И. Тюпой. «*В романе И. А. Гончарова*, – пишет ученый, – *мы /…/ имеем дело с конструктивным принципом двойственности, однако двойственности не сатирической. Эстетический объект художественного восприятия в данном случае двоится не на высокую заданность и низкую заданность в поле единой ценностной позиции – в нем совмещены взаимоисключающие ценностные интенции*» [Тюпа 2009[4]: 137, 138, 144]. В оценке роли «*литератора*» в романе исследователь идет дальше других интерпретаторов: «*правда обломовского существования – лишь одна из правд, на которые дробится не укладывающаяся в одно сознание истина. Миропонимание Штольца также обладает своей резонной правдой, что и позволяет этому герою часто достигать своих целей (но не в случае с Обломовым). Несовместимость же этих правд порождает художественное целое непатетического – **иронического** типа*». Теоретическое обоснование этого положения безусловно: «*Романтизм открыл широкие возможности использования иронии не только как риторической фигуры текста, но и в качестве архитектоники эстетического объекта*». Но ощущая широту романтических горизонтов, Гончаров, как справедливо подчеркивает Тюпа, идет своим путем: «*ирония Гончарова противоположна романтической иронии субъекта над объектом*».

В русском гончарововедении об иронических особенностях мировидения писателя неоднократно заявлялось на его родине, в частности, в ходе международной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения писателя (Ульяновск, 2007) [Ермолаева 2008: 224; Сапченко 2008: 123, 128 и др.]. В свете «*автоиронии*» изучила исследуемый вопрос А. Г. Гродецкая, сосредоточившись на проблеме «*самоиронии, самопародирования*» Гончарова и находя, что это «*устойчивые и характерные особенности писательской манеры Гончарова*» [Гродецкая 2008: 532, 544]. Автор работы справедливо считает, что проблему иронии в творчестве Гончарова следует рассматривать на повествовательном, композиционно-конструктивном и жанровом уровнях. Однако в ходе безусловно значимого исследования Гродецкой были, на наш взгляд, допущены два просчета: изучение иронии Гончарова по-прежнему остается в рамках комического, при этом ирония оценочно показана как деструктивный фактор стиля. Вместе с тем следует

[4] 1-е изд. – 2004.

учесть важнейшее суждение автора статьи: «*Проблема [иронии в творчестве Гончарова заключается] еще и в разноречивом понимании самой иронии*».

Среди гончарововедческих работ последних лет признание иронии в творчестве писателя хотя и не получило требуемого освещения, но подается как очевидное, не требующее специальных оговорок. Так, Н. А. Гузь касается в этой связи двух первых романов писателя. В романе «*Обыкновенная история*» отмечена «*мягкая ирония*» [Гузь 2008: 147, 165, 166] в изображении обитателей Грачей и речевых манерах Александра и его маменьки. При анализе романа «*Обломов*» в аспекте фразеологической точки зрения исследовательница обращает внимание на «*несовпадение лексико-стилистических особенностей повествования предмету описания*» – например, в изображении Захара и Мухоярова. В работе подчеркивается, что «*главная функция этих несовпадений – создание иронической интонации*».

Незаслуженно малое внимание уделено иронии в романе «*Обрыв*», хотя движение исследовательского интереса в этом направлении имеет место. Так, П. А. Николаев свидетельствовал, что в последнем романе Гончарова «*есть оттенок авторской иронии*», который обнаруживается «*по отношению к страсти Бориса*», и это проявляется «*в романтической стилистике, чуть пародирующей соответствующие стереотипы чувственных излияний*» [Николаев 1983: 217]. Констатирующее внимание к иронии в романе «*Обрыв*» можно обнаружить и в работах последних лет – например, в отношении иронической сущности характера Бориса Райского [Кочетова 2009: 116]. Воплощение Гончаровым своего художественного мира, в том числе с помощью иронической модальности, и наделение героев ироническими взглядами подтверждает И. А. Беляева. Эти характеристики, по наблюдениям автора исследования, посвященного в главах о Гончарове «дантовской линии» русского романа, присущи и «*Обыкновенной истории*», и «*Обломову*», и «*Обрыву*» [Беляева 2011: 151, 201 и др.]. Иронически-пародийные особенности некоторых персонажей романа «*Обрыв*» (например, Полины Крицкой) отмечены в новейших публикациях [Денисенко 2012: 93].

Обзор исследовательских свидетельств в отношении иронии в творчестве Гончарова, осуществленный на материале русской научной и научно-критической литературы, был бы неполным без рассмотрения позиций ведущих зарубежных историков русской литературы, а также критиков русского зарубежья.

Так, Ю. И. Айхенвальд в 1923 году писал об остроумных иронических сравнительных речевых конструкциях Гончарова [Айхенвальд 2012: 131]. В 1954 году В. Н. Ильин определил характер Адуева-старшего как «*вечный*» образ, основанием чему является его «*ироническая улыбка Мефистофеля*» [Ильин 2012: 315-316]. На рубеже 1950-1960-х годов А. Кобылянский рассмотрел образ Ильи Обломова в парадигматике другой «*вечной*» образности – на фоне фигуры Гамлета, задавшись, однако, вопросом, не является ли Обломов «*пародией на Гамлета*» [Кобылянский 2012: 289].

В начале 1970-х годов Milton Ehre писал об иронии Гончарова как о способе его отстранения от глубоких переживаний [Ehre, 1973: 35–36]. В. Сечкарев (Vsevolod Setchkarev) в рецензии на эту книгу, приветствуя рассмотрение ее автором особенностей стиля, композиции, жанра в произведениях писателя, в то же время отмечал неточности перевода Ehre, а от этого «*очарование гончаровской пародии и его изысканная ирония улетучиваются*» [Сечкарев 2012: 397, 398]. Роман «*Обрыв*» в начале 1970-х годов еще не был переведен на английский язык; отсюда, считал Setchkarev, «*незнание или непонимание автором [Ehre] как текста, так, между прочим, и быта того времени*». Сам исследователь как автор монографии "*Ivan Gontcharov: His Life and His Works*", вышедшей через год после книги Ehre, рассматривал, в частности, иронические характеристики слуг в романах «*Обыкновенная история*» и «*Обломов*» и видел преемственность в изображении Евсея и Захара [Setchkarev 1974: 136].

На рубеже 1980-1990-х годов Katharina Hansen Löve при анализе романа «*Обломов*» отмечала, что «*мировоззрение обитателей Обломовки изображено не без иронии*» ("*the worldview of the inhabitants of Oblomovka is described not without irony*") и что «*вопреки очевидной иронии повествователя*» ("*in spite of narrator's obvious irony*") в осмыслении и воплощении оппозиции «*город – деревня*» проявляется позитивно-идиллический взгляд повествователя на родные герою места [Hansen Löve 1990: 186, 184].

Зарубежные исследователи сосредоточивают внимание не только на тех сценах, которые были актуализированы в русской науке. Так, Richard Peace в своей монографии останавливается, в числе прочего, на сцене объяснения Обломова и Ольги у зеркала (в финале главы V, часть 2-я). Исследователь усматривает намеренную авторскую иронию в факте выражения и восприятия чувств при помощи этой своеобразно отражающей (преломляющей) поверхности ("*There is surely an intended irony in fact that*

Oblomov makes his declaration to his own face in the mirror"), – так Peace интерпретирует, в частности, слова Обломова «*Нет, я чувствую… не музыку… а… любовь!*» [Peace 1991: 43].

В этот же период начала 1990-х годов Alexandre Bourmeyster в стремлении понять, что движет Гончаровым – «*бесстрашие или насмешливость*», включается в размышления над модусами творчества писателя. Исследователь отмечает, что «*Гончаров с тонкой насмешливостью относился к людям, страдающим от "мильона терзаний", по примеру Чацкого*», и со знанием дела напоминает, что «*во всех своих статьях, предисловиях, заметках Гончаров защищается против обвинения в холодности*» [Bourmeyster 1991: 8].

Полисемическая объемность художественной идеи позволяет и в инокультурном восприятии произведений Гончарова разглядеть объективные эстетические реалии и данности, хотя и прокомментировать их с позиций родной культуры. Так, в 1990-е годы на ироническое начало в романе «*Обыкновенная история*» указал Икуо Ониси (Ikuo Ohnishi), изучая произведение сквозь призму проблемы «*положительного человека*». Справедливо отметив, что авторское отношение к фигурам дяди и племянника неоднозначно, исследователь пишет о том, что Гончаров усматривает в Адуеве-старшем «*несовершенство человека*», вследствие чего изображает его «*критически и иронически*» [Ониси 1994: 141].

Не только российские, но и иностранные специалисты указывают на маркеры иронии – например, на халат Обломова как портретно-предметную и сюжетную деталь. Так, П. Тирген (Peter Thiergen), изучая антитезу «*халат – сюртук*» и ряд создаваемых ею ассоциаций («*спать – бодрствовать*», «*лежать – ходить*», «*горизонтально – вертикально*», «*аморфный – оформленный*», «*эмоциональный – рациональный*», «*статика – динамика*», «*Азия – Европа*» и др.), оценивает халат как «*шедевр реалистической символизации*»: «*Появление и исчезновение в действии то халата, то сюртука еще раз подчеркивает, что юмор и символически-ироническое изображение действительности является неотъемлемым компонентом текстуры больших романов*» [Тирген 1997: 137, 140, 145].

Анри Труайя (Henri Troyat) в книге, посвященной Гончарову, запечатлел русского писателя как человека, «*со сдержанной иронией*» воспринимающего свое окружение еще со студенческих времен, а в понимании провинциального периода своей жизни избравшего теплую, но насмешливую позицию [Труайя 2012: 28, 57, 96]. Художественную иронию Гончарова Troyat рассматривает

в свете комических гоголевских традиций, справедливо разводя при этом двух писателей.

Значимой представляется позиция С. Перл (Steven Pearl). Как автор перевода романа «*Обломов*» на английский язык (с учетом его американского варианта), Перл, раскрывая конкретику трудностей работы, говорит о том, что «*именно этот юмор и ирония, робко проступающие и сквозь повествование, и сквозь диалог, осложняли, а то и полностью сводили на нет попытки переводчиков, чьи корни в языке перевода были, возможно, недостаточно глубоки*» [Перл 2008: 140]. Тонкий юмор и иронию Гончарова, а в его письмах и самоиронию видит в творческом наследии писателя и Vera Bischitzky, осуществившая новый перевод романа «*Обломов*» на немецкий язык, сопроводив текст произведения обширными комментариями и справочным аппаратом[5]. Новый перевод романа получил высокую оценку в многочисленных отзывах рецензентов, указавших в числе прочего на сохранение гончаровской иронии [Kulessa 2012; Karlheinz 2012].

В последние годы свидетельства иронического мировидения Гончарова становятся среди зарубежных специалистов и историков русской литературы «*общим местом*» и не подвергаются сомнению. Показательной представляется позиция, согласно которой в «*Сне Обломова*» следует видеть «привычную авторскую иронию» [Мэла 2011: 35], а А. Молнар (Angelika Molnár) определяет иронию в произведениях Гончарова (со ссылкой на Paul De Man) как «*не разрушающую или ищущую абсолют*», хотя и связывает ее лишь со сферой комического [Молнар 2012: 37].

Таким образом, гончарововеды, как русские, так и иностранные, не только усматривают среди модусов романов писателя иронию, но и находятся на пути определения ее природы – как формы выражения не только комического, но и драматического и трагедийного. Трудности распознания этого феномена связаны во многом с необходимостью дальнейшей теоретико-методологической разработки понятия иронии. Но результаты в решении этой задачи в объеме данной статьи достигнуты быть не могут.

[5] Gontscharow Iwan. Oblomow. Roman in vier Teilen / Herausgegeben und übersetzt von Vera Bischitzky. München: Hanser-Verlag, 2012.

ЛИТЕРАТУРА

А. В., 1991, Сон Обломова. Эпизод из недоконченного романа И. Гончарова. // *Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике*: Сб. ст. / Сост., вступ. ст., коммент. М. В. Отрадина. – Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та. – С. 25.

Айхенвальд Ю. И., 2012, Гончаров. // *Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья*: Сб. док. и матер. / Вступ. ст. В. А. Недзвецкого. – Москва: Центр книги Рудомино. – С. 126–146.

Беляева И. А., 2011, *Генезис русского классического романа («Божественная Комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра)*: Учеб. пособие: В 2 ч. – Ч. I. – Москва: МГПУ. – 280 с.

Бухаркин П. Е., 1992, «Образ мира, в слове явленный»: (Стилистические проблемы «Обломова»). // *От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX – начала XX века:* Межвуз. сб. / Под ред. В. М. Марковича. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та. – С. 118–135.

Вайль П., Генис А., 1991, Обломов и «другие». Гончаров. // Вайль П., Генис А. *Родная речь: Уроки изящной словесности* / Вступ. ст. А. Синявского. – Москва: Независимая газета. – С. 117–124.

Гончаров И. А., 1972, Лучше поздно, чем никогда. // Гончаров И. А. *Собр. соч.*: В 6 т. / Под общ. ред. С. Машинского. – Москва: Правда. – Т. VI. – С. 441–492.

Гродецкая А. Г., 2008, Автоирония у Гончарова. // *Sub specie tolerantiae: Памяти В.А. Туниманова* / Отв. ред. А. Г. Гродецкая. – Санкт-Петербург: Наука. – С. 532–544.

Гузь Н. А., 2008, *Художественный мир романов И. А. Гончарова*: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. – 217 с.

Денисенко С. В., 2012, О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И. А. Гончарова (из заметок комментатора к первоначальному и печатному текстам). // *Русская литература*. – № 2. – С. 90–97.

Денисова Э. И., 1990, Пушкинские цитаты и реминисценции в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. – № 2. – С. 26–36.

Дружинин А. В., 1991, «Обломов». Роман И. А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859. // *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*: Сб. ст. / Сост., вступ. ст., коммент. М. В. Отрадина. – Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та. – С. 107–124.

Ермолаева Н. Л., 2008, Тема судьбы в творчестве И. А. Гончарова 1830-1840-х годов. // *И. А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова*: Сб. ст. русских и зарубежных авторов / Сост. А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова, Е. Б. Клевогина. – Ульяновск: изд-во ООО «Ника-дизайн». – С. 222–230.

Ильин В. Н., 2012, «Тихий Мефистофель» (Гончаров как художник и мыслитель). Этюды по философии русской литературы. // *Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья*: Сб. док. и матер. / Вступ. ст. В. А. Недзвецкого. – Москва: Центр книги Рудомино. – С. 309–317.

Кантор В. К., 1991, Обломов как трагический герой. // *Internationale Fachkonferenz "Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung"*: Thesenpapiere. – Bamberg: Otto-Friedrich-Universität. – P. 19.

Кобылянский А., 2012, Обломов – «российский Гамлет». // *Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья*: Сб. док. и матер. / Вступ. ст. В. А. Недзвецкого. – Москва: Центр книги Рудомино. – С. 280–291.

Кочетова В. Г., 2009, *Роль художественной детали в произведениях И. А. Гончарова*: Монография. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. – 127 с.

Краснощекова Е. А., 2008, *Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский*. – Санкт-Петербург: изд-во «Пушкинского фонда». – 408 с.

Лоскутникова М. Б., 2012-А, Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов». // *Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина*. – № 1. – Том 1. Филология. – С. 14–23.

Лоскутникова М. Б., 2011, Ирония как пафос и стилеобразующий фактор в романе И.А. Гончарова «Обрыв». // *Вестник ЦМО МГУ. Серия Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. – № 3. – С. 103–108.

Лоскутникова М. Б., 2012-В, Композиционные принципы стилеобразования в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история». // *European Social Science Journal*. – № 4. – С. 173–179.

Лотман Л. М., 1982, И. А. Гончаров. // *История русской литературы*: В 4 т. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд. – Т. 3: Расцвет реализма. – С. 160–202.

Манн Ю. В., 2008, Дополнение: Гончаров как повествователь. // Манн Ю. В. *Тургенев и другие*. – Москва: РГГУ. – С. 422–432.

Маркович В. М., 1982-А, «Чужая» речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история». // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. – № 2. – С. 58–66.

Маркович В. М., 1982-В, *И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы)*. – Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та. – 208 с.

Машинский С. И., 1972, Гончаров и его творчество. // Гончаров И. А. *Собр. соч.*: В 6 т. / Под общ. ред. С. И. Машинского. – Т. 1. – Москва: Правда. – С. 3–54.

Мельник В. И., 1985, *Реализм И. А. Гончарова*. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та. – 139 с.

Молнар Ангелика, 2012, *Поэзия прозы в творчестве Гончарова*. – Ульяновск: изд-во «Корпорация технологий продвижения». – 447 с.

Мэла Элен, 2011, Лень Обломова: блеск и нищета утраченной полноты. // *Обломов: константы и переменные*: Сб. науч. ст. / Отв. ред. и сост. С. В. Денисенко. – Санкт-Петербург: Нестор-История. – С. 30–38.

Недзвецкий В. А., 1992, *И. А. Гончаров – романист и художник*. – Москва: изд-во Моск. ун-та. – 176 с.

Николаев П. А., 1983, Художественная правда классического романа. // Николаев П. А. *Историзм в художественном творчестве и литературоведении*. – Москва: изд-во Моск. ун-та. – С. 201–232.

Ониси Икуо, 1994, Проблема «положительного человека» в романах И. А. Гончарова. // *И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова* / Отв. ред. И. А. Кутейников. – Ульяновск: Стрежень. – С. 138–145.

Отрадин М. В., 1994, *Проза И. А. Гончарова в литературном контексте*. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та. – 168 с.

Перл Стивен, 2008, «Обломов»: Переводческие заметки. // *И. А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова*: Сб. статей русских и зарубежных авторов / Сост. А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова, Е. Б. Клевогина. – Ульяновск: изд-во ООО «Ника-дизайн». – С. 129–141.

Писарев Д. И., 1991, Писемский, Тургенев и Гончаров. // *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*: Сб. ст. / Сост., вступ. ст., коммент. М. В. Отрадина. – Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та. – С. 83–99.

Протопопов М. А., 1991, Гончаров. // *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*: Сб. ст. / Сост., вступ. ст., коммент. М. В. Отрадина. – Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та. – С. 186–203.

Пруцков Н. И., 1962, *Мастерство Гончарова-романиста*. – Москва; Ленинград: изд-во АН СССР. – 231 с.

Романова А. В., 2002, В тени Обломова: (Автор и герой в сознании читателя). // *Русская литература*. – № 3. – С. 53–69.

Салтыков-Щедрин М. Е., 1958, Уличная философия: (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»). // *И. А. Гончаров в русской критике*: Сб. ст. – Москва: Художественная литература. – С. 196–234.

Сапченко Л. А., 1994, Гончаров и Карамзин. // *И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова* / Отв. ред. И. А. Кутейников. – Ульяновск: Стрежень. – С. 172–175.

Сапченко Л. А., 2008, Обломов как помещик. // *И. А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова:* Сб. ст. русских и зарубежных авторов / Сост. А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова, Е. Б. Клевогина. – Ульяновск: изд-во ООО «Ника-дизайн». – С. 119–128.

Сечкарев В., 2012, Рецензия на книгу М. Эре. // *Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья*: Сб. док.

и матер. / Вступ. ст. В. А. Недзвецкого. – Москва: Центр книги Рудомино. – С. 394–400.

Строганов М. В., 2002, Странствователь и домосед: Критический этюд о И. А. Гончарове. // Строганов М. В. *Литературоведение как человековедение: Работы разных лет*. – Тверь: Золотая буква. – С. 257–274.

Тирген П., 1997, Халат Обломова. // *Ars philologiae: профессору А. Б. Муратову ко дню 60-летия* / Под ред. П. Е. Бухаркина. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та. – С. 134–146.

Тихомиров В. Н., 1975, «Небывалый приток фантазии»: О романной лексике в романе Гончарова «Обрыв». // *Русская речь*. – № 3. – С. 34–39.

Труайя Анри, 2012, *«Мильон терзаний» Ивана Александровича Гончарова* / Предисл. Т. М. Горяевой, пер. с фр. М. А. Руновой. – Москва: Центр Книги Рудомино. – 159 с.

Тюпа В. И., 2009, «Обломов» И. А. Гончарова (глава первая). // Тюпа В. И. *Анализ художественного текста*: Учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – Москва: Изд. центр «Академия». – С. 137–144.

Фаустов А. А., 1997, *Авторское поведение в русской литературе: Середина XIX века и на подступах к ней*. – Воронеж: изд-во ВГУ. – 108 с.

Чичерин А. В., 1985, Гончаров. // Чичерин А. В. *Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика*. – 2-е изд., доп. – Москва: Художественная литература. – 447 с.

Энгельгардт Б. М., 1995, *Избранные труды* / Под ред. А. Б. Муратова. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та. – 321 с.

Эткинд Е. Г., 1999, *«Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII-XIX веков*. – Москва: Языки русской культуры. – 448 с.

Bourmeyster Alexandre, 1991, Поэтика Гончарова: бесстрастие или насмешливость? // *Internationale Fachkonferenz "Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung":* Thesenpapiere. – Bamberg: Otto-Friedrich-Universität. – P. 8–9.

Ehre Milton, 1973, *Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov*. – Princeton (New Jersey): Princeton University Press. – 295 p.

Hansen Löve Katharina, 1990, The Structure of Space in I.A. Gončarov's "Oblomov". // *Russian Literature*. – Amsterdam. – Vol. XXVIII. – P. 175–210.

Karlheinz Kasper, 2012, Ein Plädoyer für Oblomow. // *Neues Deutschland*. – 16.06.

Kulessa Hanne,2012, *Oblomow*, In: *Hessischer Rundfunk*, – 14.06.

Peace Richard, 1991, *Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel*. – Birmingham. – VII. – 87 p. (Birmingham Slavonic Monographs. No 20).

Setchkarev Vsevolod, 1974, *Ivan Gontcharov: His Life and His Works*. – Würzburg: Jal-Verlag. – 339 p. (Colloquium slavicum; 4).

The Polycultural Understanding of Irony in the Novels by I. Goncharov and the Peculiarities of Research Positions

Summary

The article considers the opinions of scientists from Russia, Britain, Hungary, Germany, the USA, France, and Japan. At the center of their attention there is the problem of irony in the novels by Goncharov. Up to the end of the 20th century, science was dominated by the notion that the most striking modus in the novels of the writer is the comic one. However, such ideas contradicted with the idea that novels are deeply dramatic works. The article shows how the professionals, who belong to different cultures and different scientific schools, come to understand the importance of irony in Goncharov's novels, because irony is a tool to achieve both the comic and the dramatic effect.

Keywords: *Ivan Goncharov, his novels, irony, comic, dramatic.*